

ТРАЕКТОРИИ ТЕКУЩЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

УДК 821.161.1-313.2(Волос А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44

А. М. Лобин
Ульяновск, Россия

«ВЕЧНЫЕ» ИДЕИ ОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА В РОМАНЕ А. ВОЛОСА «МАСКАВСКАЯ МЕККА»

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция истории А. Волоса, представленная им в романе «Маскавская Мекка». В этой антиутопии автор отразил свое представление о русском национальном характере как причине всех социально-политических катаклизмов, произошедших в России и СССР в XX веке. В ходе работы были рассмотрены пространственно-временная организация художественного мира романа, основные сюжетные эпизоды и система персонажей. Установлено, что Гумунистический край в репрезентации А. Волоса — это мифологема, представляющая собой дальнейшее развитие традиции советской диссидентской литературы, такой как романы «Остров Крым» В. Аксенова, «Монументальная пропаганда», В. Войновича, «ФССР. Французская Советская Социалистическая республика» А. Гладилина и др. Сюжет «Маскавской Мекки» содержит также мистико-фантастический элемент, акцентирующий мифологическую природу Гумунистического Края. Созданный образ Гумунистического Края является универсальным мифологическим концептом российского прошлого, обреченного на неизбежное повторение в будущем. Полученные результаты могут быть использованы в области изучения жанра современной российской антиутопии, характеристике общественного сознания рубежа XXI века, а также в преподавании спецкурсов по литературе для филологических специальностей в высшей школе.

Ключевые слова: литература и история, концепция истории, русский национальный характер.

A. M. Lobin
Ulyanovsk, Russia

«ETERNAL» IDEAS OF TRANSFORMING THE SOCIETY IN A. VOLOS' NOVEL «MASKAVSKAYA MEKKA»

Abstract. The object of the research is A. Volos' concept of history in his novel «Maskavskaya Mekka». The dystopia suggests the Russian national character as the reason for all social and political catastrophes that befell Russia and the USSR in the XXth century. This is shown by analyzing the main aspects of the content of the book, including spatial and temporal features of its world, the crucial points of the plot, portrayals of the characters, their remarks and thoughts. *Humunisticheskiy Krai* as shown by A. Volos is a mythologeme that develops the Soviet dissident tradition in literature which is represented by V. Aksekov's «The Crimea Island», V. Voinovitch's «Monumental propaganda», A. Gladilin's «FSSR. The French Soviet Socialist Republic». The plot of «Maskavskaya Mekka» has an element of mysticism and fantasy which makes the mythological nature of *Humunisticheskiy Krai* more evident. *Humunisticheskiy Krai* is a universal mythologeme of the Soviet past doomed to be repeated in future.

Keywords: A. Volos, dystopia, Literature and history, concept of history, Russian national character.

Разочарование результатами социально-экономических перемен рубежа XX—XXI вв. сделало антиутопию чрезвычайно популярным жанром в современной литературе. «В последние годы из-за ухудшения политического климата и трансформации политического сознания в отечественной литературе ... начались довольно странные процессы. Если в 1990-е и начале 2000-х мейнстримная российская литература в основном была сосредоточена на изживании различных исторических травм ... и репрезентации апокалиптических идей ... то сегодня буквально на наших глазах возник целый поток литературы, в которой областью авторского вымысла становится близкое будущее российского общества, преимущественно политические аспекты этого будущего» — писал критик В. Чанцев [Чанцев 2007].

Такая эволюция литературных течений является, отчасти, реакцией на изменение политического климата в мире: «преобладающий теперь на Западе политический дискурс Постмодерна и Глобализации — это дискурс, фактически отрицающий модерновый проект осуществления цивилизационной трансформации и достижение Будущего в пользу завоевания возможно большей сферы влияния и

природных ресурсов в настоящем» — утверждает политолог Л. Фишман [Фишман 2007: 4].

В рамках этого литературного направления за последнее десятилетие были созданы антиутопии «ЖД» и «Эвакуатор» Д. Быкова; «2017» О. Славниковой; «2008» С. Доренко; «День опричника» и «Сахарный кремль» В. Сорокина; «S.N.U.F.F.» В. Пелевина и др. Роман Андрея Германовича Волоса «Маскавская Мекка» [Волос 2005] современные литературоведы [Ланин, 2007; Воробьева, 2009] и критики [Ермолин 2003; Тернова 2007; Фишман 2008] рассматривают в одном ряду с этими произведениями.

Структура этой антиутопии биполярна: здесь представлены два временных и культурных полюса российской истории, воплощающих «конфликт... советской и постсоветской истории в качестве двух несовместимых и борющихся кошмаров» [Кукулин 2004]. Постсоветскую составляющую представляет Маскав, бывшая Москва, технически высокоразвитое государство, где разные нации и культуры объединены в Великом Слиянии под символами единого бога. Маскав в романе представляет собой вариант глобализации, где бывшая Россия к концу XXI века растворилась в мировом сообществе и переживает все те же проблемы, что и современное западное

общество: поляризацию мира; увеличение разрыва между богатыми и бедными; ужесточение конкурентной борьбы и пр. [Чернова 2011: 167].

Маскавская составляющая романа носит отчетливо выраженный антизападный характер и направлена на дискредитацию проекта Глобализации. Это направление в современной фантастике получило самоназвание «Либерпанк» — это «антиутопия, построенная на описании гипертрофированного Запада и западного образа жизни... Либерпанк описывает общество, где либеральные ценности И В САМОМ ДЕЛЕ почитаются, а всякие отступления от них (даже системные) переживаются примерно как "родимые пятна капитализма" при советской власти: то есть признаются чем-то весьма прискорбным, хотя и неизбежным. Это мир "угнетающей свободы". Жизнь человека регулируется (притом довольно жестко) с помощью экономических и юридических механизмов, не оставляя ни малейшего пятка для маневра. Мир глобализован — а значит, унифицирован. Поэтому бежать некуда, выбора нет, любая борьба за модификацию существующего строя крайне рискованна и — в большинстве случаев — заранее обречена» [Володихин 2005].

Вторая линия истории реализована автором в описании Краснореченского Гумкрая, моделирующего российскую «глубинку» середины прошлого века, где наличествуют Гумунистическая Рать [аналог КПСС — А. Л.], гумхозы, УКГУ [аналог НКВД — А. Л.], обкомы, профкомы и многие другие атрибуты советской действительности. В описании Гумкрая явно слышатся отголоски романов Войновича, Аксенова, Гладилина и других писателей-диссидентов. В конечном итоге весь Гумкрай представляет собой некий этнографический заповедник, существующий исключительно по инерции в каком-то особом мифологическом пространстве.

В его характеристике преобладают самые мрачные и унылые тона, постоянно упоминаются грязь и бездорожье: «скучно было следить, как пролетают мимо желтые березняки, корявые овражки и унылая чересполосица где буро-желтых, где распавшихся и потому темно-серых, щедро расквашенных недавними дождями полей. Торчали черные стожки на опушках. Северный ветер трепал на них какие-то клочья. Тянулись телеграфные столбы, безвольно опустившие до земли чахлые нитки проводов. Мутное утреннее солнце спряталось в полосу тянущихся с востока низких туч, и тут же все еще больше выцвело и помрачнело...» (25).

Действие романа происходит в некоем абстрактном будущем не имеющем определенных временных границ, как это свойственно антиутопии, а вот его художественное пространство еще более условно и мифологизировано. Во-первых, оно представлено исключительно Маскавом и Гумкраем. Наличие в мире других стран упоминается, но они почему-то совершенно недоступны — во всяком случае эмигрировать из Маскава можно только в Гумкрай. Таким образом, Гумкрай и Маскав существуют в некоем замкнутом локусе, где даже расстояние между ними не вполне определено — во всяком случае проводник поезда из Маскава в Гумкрай так и не смог сказать, сколько до него ехать:

«Да кто ж его знает... Это как дело пойдет. Посмотрим-о-трим... Вот тронемся, тогда уж» (406).

Таким образом, если Маскав хотя бы имеет известные географические координаты, то о Крае и этого сказать нельзя: где-то не слишком далеко от Москвы в пределах российского Нечерноземья, если судить по климату и топонимам (Краснореченск, Голопольск, Богато-Богачево, Гнилозубово...). Исходя из того, что между Краснореченском, его столицей, и райцентром Голопольск всего лишь шестьдесят километров, а весь Гумкрай включает всего шесть областей, можно предполагать, что он не особенно велик. Структура его в целом однородна, выявить там какой-то значимый центр или окраины не представляется возможным.

Таким образом, Гумкрай — это реликтовый заповедник социализма, сохранивший все его атрибуты и прежде всего — нищету, как вечное состояние всех его жителей. Конечно, нищета эта относительна, поскольку у первого секретаря райкома имеются холодильник и радиопремник, а для рядового сотрудника пуговичной фабрики и мясорубка — ценный подарок. Но все же разрыв между богатыми и бедными здесь не выглядит большим: так, секретарь райкома Твердунина завтракает весьма аскетично: «кусочек хлеба... с половинкой вареной свеклы...» (20), а капитан Горюнов, сотрудник органов безопасности, в качестве закуски может предложить гостям, только овощи с собственного огорода: «огурцы, и капуста, и лоснящиеся помидоры» (200).

Такая бедность — естественное следствие низкой эффективности гумунистического сельского хозяйства (регулярно упоминаются низкие уроды, плохая урожайность и пр.), а также отсталости промышленности: на бетонном заводе систематически не работает кран, поэтому плиты грузят заключенные, железнодорожный транспорт представлен паровозами, а на пуговичной фабрике, расположенной в бывшей церкви, стоит сверлильный станок «кожух которого с обеих сторон украшали медные вензели и круглая надпись: "Акц. об-во бр-вь Фрицмань"» (111) — то есть, изготовленный не позднее начала XX века.

Впрочем, техническая отсталость и низкий уровень жизни советского общества давно стали общим местом в диссидентской литературе и в специальных обоснованиях не нуждаются. Но эта тотальная нищета (особенно в сравнении с Маскавом) еще не означает равенства, хотя бы и декларируемого. Этнических противоречий в Гумкрае нет, зато есть разница в положении рядовых граждан и партийной номенклатуры — здесь издавна сложился тип отношений, в рамках которых «каждый должен свое дело сполна делать! Если секретарь райкома — так одно, а если шофер — выйди и дверку распахни, не переломишься!» (24).

В данном случае закономерный социальный конфликт между начальством и рядовыми исполнителями выведен автором в совершенно иной, мистико-магический план. «Коммунизм в романе Волоса приобретает мистический колорит: повышение гумкраевцев по партийной линии сопровождается жутким обрядом — проведением по Директиве Ч-тринадцать» — писала критик О. Мишенина [Ми-

шенина 2008]. В соответствии с этой процедурой каждого кандидата на повышение снимают с прежней должности (забывают винтовочными прикладами после гумдознания в подвале УКГУ), а труп погружают в болото. Спустя какое-то время убиенный рождается заново и появляется в болотном пузыре довольно далеко от места казни, откуда его вылавливают и поят кровью петуха (современный заменитель человеческой крови). Только после этого он вступает в новую должность, но при этом полностью забывает как саму процедуру, так и свое детство: «все связанное с директивой Ч-тринадцать представлялось чрезвычайно нечетко, смутно — так, будто дело происходило в непроглядном тумане или во мраке, едва разреженном светом ручных фонарей... где маячила какая-то нечеловеческая мука... страшная боль... даже, кажется, смерть... и что-то еще невыносимо жуткое — то, что за смертью» (70).

Смысл этого магического акта, заключается в перестройке сознания ратийных функционеров и не случайно они забывают именно детство, во время которого формируется психология личности. В конечном итоге они не становятся сказочной нежизнью — во всяком случае, базовые биологические потребности, основные эмоции и честолюбие, также как и способность к злоупотреблениям властью остаются не затронуты, но какие-то важные и глубинные изменения в их психике все же происходят. Частичную потерю памяти следует полагать скорее побочным действием, нежели основным результатом, а главное — смена мотивации: все прошедшие через «Ч-тринадцать» переключают свои интересы на личную карьеру и аппаратную работу, почти полностью выпадая из сферы нормальной жизни.

В качестве примера автор представляет жизнь главной героини, секретаря райкома Александры Твердуниной. Это вполне типичный образ, созданный в советской литературе 1940—1980 гг. «Полная бабьих невостробованных сил парработница, вполне литературная пародия на соцреалистических томно-страстных райкомовок...» — так охарактеризовал ее А. Кабаков [Кабаков 2004: 188]. Биография ее, на первый взгляд, складывалась вполне успешно. Простая станочница к сорока годам стала секретарем райкома, благополучно вышла замуж и достигла почти максимально возможного в Гумкрае уровня благосостояния. Тем не менее, ее никак нельзя назвать счастливой. Причиной, которая привела к краху ее семейную жизнь, стала именно удачная карьера, поскольку для того, чтобы получить столь высокое назначение ей пришлось «пройти по «Директиве Ч-тринадцать»».

Такое превращение не могло не сказаться на ее отношениях с мужем и образе жизни: «наверное, во всем виновата ее карьера... до назначения по директиве они с мужем лучше понимали друг друга... А вот после... когда под воздействием директивы Ч-тринадцать она изменилась... все испортилось. Почему? Нельзя понять... Бояться Игнатий ее стал, что ли? А то еще подчас казалось — брезговать» (70—71).

Основной идеологии Гумунистической Рати, а следовательно, и жизни всего Гумкрая являются идеи и мифологизированная личность Ленина, кото-

рый именуется теперь Виталином и уже потерял все индивидуальные человеческие черты. Имя его свято, и человек, захлопавший по ошибке в ладоши при рассказе о покушении на вождя, получает срок в лагере — такая история произошла с неким Шацким, задремавшим на собрании. При этом и сам он, и его памятник давно превратился в часть потерявшего смысл ритуала: «дважды в год шагали под ним колонны веселых нетрезвых демонстрантов... весной возле него принимали школьников в пионеры... в будни же площадь жила своей тихой жизнью, и никто не обращал на него ровно никакого внимания» (46). Характерно, что миф о Виталине укоренился в самых недрах народной культуры и общественного сознания: здесь бабки рассказывают внукам, что «Виталин был пяти метров росту... И что левой рукой трактор поднимал...» (195—196).

Одним из главных сюжетобразующих событий в романе стало трагическое происшествие, когда по неосторожности пьяного маляра у статуи Виталина, стоящей перед райкомом, отломилась указующая в светлое будущее рука. Починить ее оказалось невозможно, а весь памятник выбросить нельзя по идеологическим причинам. Твердунина и ее бюро принимают беспрецедентное решение: построить отдельный Мавзолей для памятника и захоронить его там, что и было исполнено со всей возможной торжественностью, хотя и закончилось новой катастрофой: «оркестр ступенчато грянул... Подъемный кран задрал стрелу. Фигура, захлестнутая тросом за горло, качалась на этой стреле, мучительно выгибаясь над темной, чернорукой толпой... Раскачиваясь, скульптура взъезжала все выше. Вот она оказалась над кровлей мавзолея... Крак! Освободившийся крюк подпрыгнул... обезглавленное туловище начало медленно падать... полетело вниз... долетело... и тяжело грянулось о крышу, брызнув пыльной крошкой и расколовшись» (388—389).

В итоге, строительство этого Мавзолея, мертворожденный проект ратийных аппаратчиков, выполненный за сутки по всем канонам советской штурмовщины, закончился ничем: также как когда-то на памятник «в будни... никто не обращал... ровно никакого внимания» (46), так и мавзолей «стоит на площади возле пустого облупленного постамента... и теперь уже кажется — всегда стоял. О назначении этого сооружения, расхлебавшего некрашенные двери и более всего похожего на разоренную трансформаторную будку, мало кто помнит...» (408—409). Этот результат можно рассматривать как символический итог всей деятельности гумунистов и российской истории.

Критик И. Кукулин интерпретировал идею произведения так: «история России — не прогресс, а циклический круговорот рабства и бунта» [Кукулин 2004]; а Е. Пустовая утверждает, что «в романе не произошло ни одного судьбоносного сдвига... статика сюжета очевидна: в итоге романа Маскав, в котором революция закономерно извратилась в очередной охранительный террор, и Гумкрай, проглотивший часть беженцев, но подавившийся городом — оплотом капитализма, остаются каждый при своем» [Пустовая 2007: 176].

Таким образом, рецензенты утверждают, что какие либо позитивные изменения в этом мире невозможны в принципе. Основанием для такого вывода служат не только результат сюжетного действия, но и одна из ключевых сцен романа — произошедшая во сне беседа художника Емельяненко с Виталином: «в этой стране идеи... гуманизма не умрут никогда! Как бы ни шло развитие, какие бы блага ни предложила России западная цивилизация, под пеплом реакции всегда будет тлеть искра гуманистической идеи!.. потому что эта страна никогда не станет богатой. Никогда. На протяжении веков ее разворовывали — и будут разворовывать впредь. Как только здесь появляется что-то такое, что можно украсть, оно немедленно исчезает. Как только прозябает живой росток, способный, в принципе, когда-нибудь принести обильные плоды, — его незамедлительно срезают и кладут на зуб. Тут еще никто никогда не дождался, чтобы курица начала нести золотые яйца: зачем, если можно сварить ее сегодня? Так было, есть и будет. А раз страна не станет богатой, значит, народ всегда будет готов к новой жизни... к той, в которой это богатство все-таки возникнет!.. Называйте это как угодно: хотите — сказкой про белого бычка, хотите — бессмертным духом переустройства и обновления... В так называемых развитых странах у закормленного и прирученного пролетариата, более похожего на салонную проститутку, нежели на рабочий класс, нет ни единой мысли, которая выходила бы из привычного круга мечтаний о комфорте... только нищий телом способен проявлять богатство духа! Только он способен думать о будущем!.. Ничто не кончается в этой стране... Россия страна мечтателей...» (272—273) — так объясняет покойный вождь причины и перспективы происходящего в стране.

Несомненно, что в данном монологе, приписанном приснившемуся Ленину-Виталину, автор непосредственно выразил свою художественную концепцию истории. Вывод, о цикличности российского исторического процесса в данном контексте действительно просто напрашивается, а кроме того, можно заключить, что основной движущей силой этого возвратно-поступательного процесса он полагает менталитет страны, которую «разворовывали и будут разворовывать», и закономерно свойственный этому менталитету «бессмертный дух переустройства и обновления».

Таким образом, ни технический прогресс, ни какие-либо внешние метафизические силы в историческом процессе у А. Волоса роли не играют, а его главной целью и ценностью является «богатство духа», которое «способен проявлять только нищий телом». В речах основоположника гуманизма звучит уверенность в будущем: «слышали, что в Маскаве?... Может быть, сегодня революция там не победит, откатится, — и все равно ждите продолжения! Обещано: снова будете собираться по трое, по четверо, тайком читать "Капитал"... потом опять с флагами на улицу... потом опять баррикады... да, батенька, баррикады!..» (274) — однако такое будущее трудно назвать светлым, поскольку результат победы революции уже представлен в Гумкрае.

В «Маскавской Мекке» отразилось авторское представление о российской истории, которая, как утверждает А Волос, «производит на меня гнетущее впечатление своей нескончаемой повторяемостью... каждое новое поколение склонно молчаливо полагать, что вот-вот явит миру образцы разумности, благородства и великодушия — то есть именно тех качеств, которые, собственно, и отличают человека от зверя. Но, к сожалению, ничем не отличаясь от предшественников, оно, как правило, являет лишь новые образцы хищничества, варварства и глупости. Это печальная картина. Тем более печальна она в России, где, как известно, всё происходит с необыкновенным размахом: "Уж любить, так без рассудку..." "... Если следовать логике Гоголя, Россия упорно следует назначенному ей пути — показывает другим, как жить не надо. Это заколдованная страна, в которой всё, что ни делается, всегда идёт во вред народу. "Русский характер", отлакированный под "советский", — это вынужденные проявления необыкновенной изворотливости, тупого упорства и равнодушия к собственной судьбе, которые на протяжении многих лет одни только и могли помочь не только выжить, но и кое-как свести концы с концами» [Иванов 2009].

ЛИТЕРАТУРА

- Володихин Д.* Требуется осечка: Ближайшее будущее России в литературной фантастике. — Режим доступа: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=275> (дата обращения: 15.03.2014).
- Волос А.* Маскавская Мекка. — М.: Зебра Е, 2005. — 416 с.
- Воробьева А.* Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дисс ... докт. филол. наук. — Саратов, 2009. — 48 с.
- Ермолин Е.* Книжная полка Евгения Ермолина. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2003/10/ermol.html (дата обращения 01.12.2015).
- Иванов А.* Победитель, который не судит (интервью с писателем А. Волосом). — Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2009/23/04173.html> (дата обращения 01.12.2015).
- Кабаков А.* Предсказание настоящего// Октябрь. — 2004. — № 1. — С. 188—189.
- Кукулин И.* Гипсовые часы // НЛО. — 2004. — № 68. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/ku22-pr.html> (дата обращения 01.12.2015).
- Ланин Б.* Воображаемая Россия в современной русской антиутопии. — Режим доступа: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/18lanin.pdf (дата обращения 01.12.2015).
- Мишенина О.* Сансара России или гомункулы коммунизма. — Режим доступа: <http://drugoynsk.ru/recenzii/literatura/item/267-sansara-rossii-ili-gomunkuly-kommunizma.html> (дата обращения 01.12.2015).
- Пустовая В.* Скифия в серебре. «Русский проект» в современной прозе // Новый Мир. — 2007. — № 1. — С. 168—188.
- Тернова Т.* Сейчас намного позже, чем нам кажется... — Режим доступа: <http://koveco.info/koveco14/poleboia.html> (дата обращения 01.12.2015).
- Чанцев А.* Фабрика антиутопий: Дистопический курс в российской литературе середины 2000 // НЛО. — 2007. — № 86. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html#top> (дата обращения 01.12.2015).
- Чернова Е.* Критерии прогресса в информационном обществе: дисс. ... канд. филос. наук. — Саранск, 2011. — 181 с.

Фишман Л. Политические дискурсы постсоветской России: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс ... докт. полит. наук. — Екатеринбург, 2007. — 40 с.

Фишман Л. В системе «двойной антиутопии». — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/3/fi15.html> (дата обращения: 15.03.2014).

REFERENCES

Volodihin D. Trebuetsya osehka: Blizhajshee budushchee Rossii v literaturnoj fantastike. — Режим доступа: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=275> (дата обращения: 15.03.2014).

Volos A. Maskavskaya Mekka. — М.: Zebra E, 2005. — 416 s.

Vorob'eva A. Russkaya antiutopiya XX — nachala XXI vekov v kontekste mirovoj antiutopii: avtoref. diss ... dokt. filol. nauk. — Saratov, 2009. — 48 s.

Ermolin E. Knizhnaya polka Evgeniya Ermolina. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2003/10/ermol.html (дата обращения 01.12.2015).

Ivanov A. Pobeditel', kotoryj ne sudit (interv'yu s pisatelem A. Volosom). — Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2009/23/04173.html> (дата обращения 01.12.2015).

Kabakov A. Predskazanie nastoyashchego // Oktyabr'. — 2004. — № 1. — S. 188—189.

Kukulin I. Gipsovye chasy // NLO. — 2004. — № 68. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/ku22-pr.html> (дата обращения 01.12.2015).

Lanin B. Vobrazhaemaya Rossiya v sovremennoj russkoj antiutopii. — Режим доступа: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/18lanin.pdf (дата обращения 01.12.2015).

Mishenina O. Sansara Rossii ili gomunkuly kommunizma. — Режим доступа: <http://drugoyensk.ru/recenzii/literatura/item/267-sansara-rossii-ili-gomunkuly-kommunizma.html> (дата обращения 01.12.2015).

Pustovaya V. Skifiya v serebre. «Russkij proekt» v sovremennoj proze // Novyj Mir. — 2007. — № 1. — S. 168—188.

Ternova T. Sejchas namnogo pozzhe, chem nam kazhetsya... — Режим доступа: <http://koveco.info/koveco14/poleboia.html> (дата обращения 01.12.2015).

Chancev A. Fabrika antiutopij: Distopicheskij diskurs v rossijskoj literature serediny 2000 // NLO. — 2007. — № 86. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html#top> (дата обращения 01.12.2015).

Chernova E. Kriterii progressa v informacionnom obshchestve: diss. ... kand. filol. nauk. — Saransk, 2011. — 181 s.

Fishman L. Politicheskie diskursy postsovetskoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij analiz: avtoref. diss ... dokt. polit. nauk. — Ekaterinburg, 2007. — 40 s.

Fishman L. V sisteme «dvojnoj antiutopii». — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/3/fi15.html> (дата обращения: 15.03.2014).

Данные об авторе

Лобин Александр Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, издательского дела и редактирования, Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск).

Адрес: 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.

E-mail: amlobin@yandex.ru.

About the author

Lobin Alexandr Mihailovich is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Publishing Business and Editing, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk).